

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 1 апрѣля 1882
20 марта

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Гонимъ природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
- 2) Казнь Суханова. — 3) Убіеніе Стрѣльникова.
- 4) Отчаянный поступокъ Щедрина. — 5) Побѣда Цвѣткова. — 6) Новое преслѣдованіе свободы сходовъ по мысли сэра Гаркорта. — 7) Возбужденіе дѣла противъ бывшаго министра Макова. — 8) Новый министръ Деляновъ и т. сов. Катковъ. — 9) Закрытіе читальни въ с. Подбережаныхъ. — 10) Сотрудничество въ газетахъ полиціи. — 11) Пьянство, искусство и свобода, М. Драгоманова. — 12) Проектъ солидарной демонстраціи русиновъ и поляковъ въ Галиціи, М. Д. — 13) «Настоящее положеніе Россіи» (Д. Г. Щербачева, Berl. 1882), П. С. — 14) Студенческій манифестъ и замѣтка Редакціи.

ЖЕНЕВА, 1 апрѣля 1882 г.

Разводить чадъ для отуманенія общественной мысли стало какъ бы главною заботою нашихъ нынѣшнихъ правителей. Имъ мало административныхъ придиорокъ и высканій, опутывающихъ по всей странѣ движеніе свободомыслія, мало казенныхъ и казною (изъ народныхъ денегъ, разумѣется,) оплачиваемыхъ изданій, мало добровольнаго прислужничества людей пера, тинущихся въ общественные дѣятели, держась за флады чиновничьихъ вицмундировъ и тѣмъ же путемъ взбирающихся на административныя вершины. Имъ мало закона, мало недомыслія или подлости писакъ по ремеслу. Передъ нами лежатъ помѣщаемыя ниже два письма, вышедшія изъ канцеляріи казанскаго губернатора Гейнса, того самого Гейнса, который, будучи Одесскимъ градоначальникомъ, торговалъ полицейскими мѣстами въ лавочкѣ на Морской одного петербургскаго нотаріуса, а въ антрактѣ своего полицейскаго служенія родинѣ подавалъ записки на слѣднику престола, нынѣшнему Государю, прикидываясь «самобытникомъ», на манеръ московскихъ славянофиловъ, и потомъ, подъ фирмою «опытнаго администратора», печаталъ въ Чернилевскомъ штабѣ, т. е. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Комарова, рядъ статей, изыскивавшихъ мѣры къ оживленію и поднятію духа губернскихъ правленій повсемѣстно въ Имперіи. Удостоенный за борзость пера милостиваго пріема въ передней тогдашняго вице-императора Лорисъ-Меликова, генералъ Гейнсъ, напутствуемый и наускиваемый на столичный либерализмъ славяно-

фильскимъ кружкомъ, получилъ мѣсто губернатора въ Казани, гдѣ не замедлилъ проявить, во первыхъ, свою преданность бюрократическому порядку, во вторыхъ, еще большую преданность излюбленнымъ идеямъ стоящаго теперь у власти (что не мѣшаетъ, однако, московскимъ пророкамъ выкрикивать независимость самодержавія «отъ духа партій») кружка своихъ благодѣтелей.

Въ упомянутыхъ письмахъ читатели прочтутъ, съ какимъ стараніемъ генералъ Гейнсъ заботился о томъ, чтобы столичные газеты, «занятые обсужденіемъ высшихъ политическихъ вопросовъ, скорѣе возбуждающихъ, чѣмъ удовлетворяющихъ умъ», не проникали въ предѣлы его губерніи. И чего только не пускается въ ходъ для достиженія этой цѣли! Перво на перво измышляется мѣстный органъ «Волжско-Камское Слово» подъ редакціей благонамѣреннаго профессора, за тѣмъ указывается исправникамъ «настоящій путь по вопросу (?) объ открывающей подпискѣ» на газету. Этотъ «настоящій путь» состоитъ въ слѣдующемъ: 1) предложить (мягко стелется, да жестко спятъ) волостнымъ правленіемъ, выписывающимъ теперь большія столичныя газеты, особенно въ родѣ «Порядка», замѣнять ихъ «В.—К. С-мъ» и 2) содѣйствовать всѣми зависящими способами къ распространенію «В.—К. О.» среди населенія города, землевладѣльческаго и духовенства». Вслѣдъ за этимъ письмомъ идетъ изъ губернаторской канцеляріи другое, не то — предписаніе, не то — совѣтъ, такъ какъ оно пишется «частію по порученію Его п—ва, а частію по собственнй инициативѣ» пишущаго. Его Пр-ство, желая играть въ руку своимъ благодѣтелямъ и отводить умы «вѣренной ему губерніи» отъ «обсужденія высшихъ политическихъ вопросовъ», въ то же время самъ краснѣетъ за свой поступокъ, пуще же всего боится скадала. И вотъ, его старшій подчиненный спѣшитъ предупредить младшаго, что письмо Его П-ства «отнюдь не должно никому показываться», что «усердіе нужно и въ настоящемъ дѣлѣ, но такъ, чтобы не вовлечь себя въ смѣшное или непріятное положеніе», «а то — прибавляется въ письмѣ — пожалуй, легко уго-

дите сами въ какую нибудь газету». Характерна эта боязнь чиновника имѣть же гонимаго общественнаго мнѣнія. Но что всего любопытнѣе, такъ это извиненіе старшаго подчиненнаго передъ младшимъ и его невольное насмѣшливое отношеніе къ начальству. Канцелярское письмо г-на П. Кошкина заканчивается такою, его собственноручною припискою: «знаю, что Вы, многоуважаемый N. N., надѣ многимъ улыбаетесь въ этомъ письмѣ; но вѣдь это нѣчто въ родѣ циркуляра; этимъ я извиняюсь передъ вами». Старшій чиновникъ смѣется надъ распоряженіемъ своего начальника и боится насмѣшки надъ собою со стороны младшаго; всѣ, и начальникъ и подчиненные всѣхъ ранговъ, смущаются при мысли, что ихъ продѣлки выйдутъ на чистую воду, предстанутъ на судъ общественнаго мнѣнія, какъ римскіе авгуры, смѣются надъ своею канцелярскою кабалистикою — и все таки мошенничаютъ, все таки гонятъ свѣтъ мысли и свободу слова, гонятъ изъ боязни, страшась гонимаго ими, гонятъ въ угоду призрачнаго спокойствія, призрачной тишины невѣжества и всѣми силами стараются напускать туманъ на страну не только изъ своихъ кабинетовъ, но и изъ щелей и дверей нагрязньѣйшей административной кануры.

Но народная мысль подъ вѣншиимъ давленіемъ только сильнѣе пробуждается и въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ жизни пробивается наружу то въ формѣ конфиденціально подаваемыхъ записокъ, о чемъ свидѣтельствуетъ «Голосъ», то въ формѣ брошюръ и газетъ издаваемыхъ за границей, къ числу которыхъ принадлежитъ и помѣщаемая въ настоящемъ №-ѣ, въ критическомъ разборѣ, брошюра Щербачева «Настоящее Положеніе Россіи», то въ формѣ прокламацій, одинъ изъ образчиковъ которыхъ читатель найдетъ также въ настоящемъ №-ѣ, то въ формѣ революціонныхъ листовъ, продолжающихъ своимъ появленіемъ смущать нашихъ бдительныхъ удушителей истиннаго народнаго самосознанія, то, оставивъ, наконецъ, форму печатнаго слова, она перешла въ слово живое, въ пропаганду, въ революціонную агитацію, тѣмъ болѣе дѣятельную, чѣмъ больше стѣсненій создается для нея, въ доступныхъ закону сферахъ

родный театр. Для начала они выбрали несколько украинских пьес, а из русских «Ревизора» да и поставили их на обыкновенной господской сцене, только места за вход назначили: кресло 1 ряда 30 коп., и т. д., галерея 3 коп. Говорь пошел по городу и среди простого народа, — но губернатор уничтожил все затеи «демагогов», возстановив только на афише, которая обязательно ему представлялась, — господские цены: кресла 1 ряда — 3 рубля и т. д. В 1862 г., во время реакционного взрыва после петербургских пожаров, — полтавские демагоги были разосланы в места, не столь отдаленные. Другой случай мы недавно читали в одной южной газете: молодые учащиеся люди, на рождественских вакациях, вздумали устроить спектакль в селѣ. Предусмотрительно они выбрали только великорусские пьесы и даже склонили к присутствию местного урядника и другого полицейского чина. Но после спектакля чины сами переполошились и возбудили дело о не позволенной типографии у молодых людей, чему поводом послужило оттискивание афиш прессы или гектографом! Чем кончилось дело, мы еще не читали.

Между тем, во многим известиям, «народ» очень охотно встречает попытки доступного ему театра и при первой возможности (т. е. при некотором невнимании начальства) старается внести в него реальное жизненное содержание. В соседней с Россией Галиции масса народа находится не в лучшем, чем в России, социально-экономическом положении. Украинское население и здесь подчинено чужеродной интеллигенции, которая сознательно препятствует его развитию. Измѣнников господским интересам среди этой интеллигенции почти нет, — не то, что в России, где их так достаточно и где между ними есть люди и со средствами, и с порядочным образованием, и талантами. И все таки в Галиции, — единственно благодаря некоторой политической свободе, признаваемой австрийской конституцией, хоть и уменьшаемой для украинского народа чужеродными властями, — борьба с пьянством вызвала основание народных обществ трезвости, чтение, наконец, попытки театра, который устраивают по вечерам сами крестьяне. Несомненно, что со временем эти попытки разовьются дальше и доставят народу здоровое и разумное поучение и развлечение. И в России вместо всяких полицейских забот о «типах кабаков», — каковы заботы повлекут только новые утѣшения от урядников, — и для сферы явлений, которые затронуты одним из «свидущих людей», жгательно было бы только одно: свобода, обща политическая свобода с ее развѣтвлениями для жизни гражданской и культурной. Оставьте в покои население, — не тѣните его и не благодѣтельствуйте, — а оно само выработает себе условия и формы человеческой жизни!

М. Драгомановъ.

«Р. о земных силах» и др., — а также и то, что послѣдняя из этих брошюр, «Р. о царствѣ Бовы королевича», запрещена, потому что она возбуждает мысль о социальных вопросах, хотя и рѣшает их весьма консервативно.

ПРОЕКТЪ СОЛИДАРНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ РУСИНОВЪ И ПОЛЯКОВЪ ВЪ ГАЛИЦИИ.

Читателям нашим в России могло уже надоесть наше постоянное возвращение к вопросу о необходимости организации в Галиции солидарного действия крестьян украинских и польских для защиты их общих интересов от общих противников, польских папов и еврейских капиталистов. Но вопрос этот мы считаем не безынтересным и для России, так как разумная организация разнонациональных рабочих элементов в Галиции непременно отразится полезным образом и на соседних с Галицией Царствѣ Польском и Юго-западном краѣ. За тем, повторение вещь неизбежная в политических вопросах, особенно в среде, в которой приходится иметь дело с застарѣлыми раздѣлениями и предрассудками вообще.

Мы, впрочем, уже отмѣтили в прошлом № «Вольн. Слов.» слова «Батьківщини», из которых видно, что мысль о солидарном выступлении крестьян русинов и поляков находит себе сочувствие и среди литературных представителей уже не одних социалистов, но и так называемой народной или украинской партии в Галиции. Теперь перед нами 19 № газеты «Діло», представляющей собою болѣе отсталый кружок этой партии, и в нем мы встречаем ту же мысль, хотя, по нашему мнѣнию, не совсем удачно поставленную.

Украинофильская газета предлагает праздновать в текущем году 100-лѣтіе отмѣны в Галиции рабства универсалом императора Иосифа II от 5 апрѣля 1782 г. (нация оставалась до 1848 г.) «Актъ этотъ, говоритъ «Діло», одинаково важен и памятен и для народа польского, как и для украинского, и тутъ представляется лучший случай, наглядно показать, что наша программа не относится враждебно к другим народностям..... что украинский народъ радъ не только своей собственной свободѣ, своему благу, но и свободѣ и благу польского народа. Пора намъ познать, какой вѣсь заключается в такъ понятой программѣ нашей, пора познать, сколько силы можемъ мы себе приобрести такимъ обращеніемъ к польскому люду. (Львовская газета в приемахъ краснорѣчія слѣдуетъ ветхозавѣтному исамонѣвию и всякое почти предложение повторяетъ на разныхъ ладах, но крайней мѣрѣ, два раза.) Наши противники пробраются в украинский люду с неправдою и клеветами, а мы откликнемся в эту памятную годовщину правдою и искреннею любовью к польскому люду. Смѣло и высоко поднимемъ нашу народную хоругвь правды и справедливости народной. Замкнутость и заскорузлость была бы непростительною политическою ошибкою».

В этой тирадѣ можно безусловно сочувствовать только ее основной мысли, но не самому проекту демонстрации в память универсала императора Иосифа II. Во первых, самый фактъ уничтоженія рабства крестьян безъ уничтоженія панщины не былъ очень важенъ и не оставилъ по себе глубокой памяти в народѣ. По крайней мѣрѣ, столь

чувствительная к явлениям социальной жизни своего края народная пѣсня украинская не вспоминает ни однимъ словомъ акта императора Иосифа II, хотя она очень занимается уничтоженіемъ панщины в 1848 г. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что, по описаніямъ наблюдателей и показаніямъ крестьянъ депутатовъ вѣнскаго парламента 1848 г., актъ 1782 г. очень мало измѣнилъ сущность крепостного права. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то все таки память императора Иосифа II с матерью его Маріей Терезіей связана с памятью о раздѣлахъ Польши. Положимъ, в свое время и еще в 1846 гг. польские крестьяне в Галиции были очень равнодушны к старому польскому государству, — но все таки прогресс образования пробудилъ и у нихъ національное самосознание и вполне равнодушными к национальной независимости теперь польскихъ крестьянъ назвать нельзя. «Иосифинская» демонстрація имѣетъ характеръ слишкомъ династически-австрийскій и анти-польскій, а потому нельзя ни надѣяться на слишкомъ большой успѣхъ ее среди польскаго населенія, (ей будутъ изъ всѣхъ силъ противодействовать все образованные поляки), ни даже рекомендовать не-польскому населенію, напр. русинамъ. Къ чему развивать в сельскомъ населеніи династическія чувства, по какому бы то ни было случаю?

Другое дело чистая демонстрація противъ рабства экономического, какъ и гражданскаго, и при этомъ демонстрація совместная населеній двухъ національностей, изъ которыхъ паны одной стремятся къ господству двойному: социально-экономическому и національному, и потому возбуждаютъ двойную реакцію. Такія солидарныя польско-украинскія демонстраціи существенно необходимы в Галиции и будутъ имѣть огромное значеніе, какъ бы они ни были слабы в началѣ. Мы все таки держимся того мнѣнія, что самое лучшее в такомъ родѣ былъ бы митингъ и образованіе польско-украинскихъ крестьянскихъ союзовъ, которые, конечно, не замедлили бы войти в сношенія и с подобными союзами в городахъ, изъ которыхъ зародышъ одного уже существуетъ во Львовѣ, хотя и дѣйствуетъ безъ должной энергіи и мало показывается охоты выйти за тѣсныя предѣлы своего города, а также, видимо, боится рѣшительнѣе разорвать с узкими польскими идеями.

М. Д.

„НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ“.

Г. Д. Щербачева. Berl. 1882.

В ряду произведеній русской заграничной литературы, появившихся в послѣднее время в Германіи, брошюра, названная в заголовкѣ настоящей заголовкѣ, представляетъ сравнительно выдающееся явленіе. Авторъ гораздо рѣзче своихъ предшественниковъ обвиняетъ само русское правительство в созданіи существующаго порядка вещей, и хотя говоритъ все вещи извѣстныя и, такъ сказать, носящіяся въ воздухѣ, но хорошо уже и то, что говоритъ, а не молчитъ, какъ множество другихъ. Жаль только, что, по